

К В Е Р А *Колочкова*

Любовь
ПОМНИТ ВСЁ

*Молчание
вдвоем*

Вера Александровна Колочкова
Молчание вдвоем
Серия «Секреты женского
счастья. Проза Веры Колочковой»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73950507

Вера Колочкова «Молчание вдвоем»: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2026

ISBN 978-5-04-247408-8

Аннотация

Иногда одна ночь, о которой никто не должен узнать, меняет судьбы навсегда.

Много лет назад Дина и Женя поклялись молчать о своей тайне. Но на семейном празднике правда внезапно всплывает на поверхность – и теперь под угрозой дружба, любовь и целая семья. Можно ли сохранить чувства, когда прошлое требует ответа?

Содержание

Дина	7
Женя	22
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Вера Колочкова

Молчание вдвоем

Художественное оформление серии Н. Каштыкиной.

© Колочкова В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Не то, что ты обманул меня, а то, что я не могу
больше верить тебе, потрясло меня.

Фридрих Ницше, из книги «По ту сторону добра и зла»

Я ненавижу в людях ложь.
Она у всех бывает разной,
Весьма искусной или праздной

И неожиданной – как нож.
Я ненавижу в людях ложь.
Ту, что считают безобидной,
Ту, за которую мне стыдно.
Хотя не я, а ты мне лжешь.
Я ненавижу в людях ложь.
И очень я душой страдаю,
Когда ее с улыбкой дарят
Так, что сперва не разберешь.
Я ненавижу в людях ложь.

Андрей Дементьев,

Я ненавижу в людях ложь...

Дина

– Мам! А что случилось с Сашей? Я ее увидела, так обрадовалась, а она... Она взглядом будто оттолкнула меня! И мимо прошла, и даже не дала с Темой и Семой поздороваться! Что это было, мам?

Тася моргнула обиженно, и казалось, что в ее синих глазах уже набухают слезы, и если мать промедлит с объяснением, то эти слезы хлынут потоком и смоют эту прекрасную, нежную синь.

Дина молчала потерянно, не знала, что ответить дочери. Не готова была. Да и как тут можно подготовиться, какую придумать легенду, когда и сама не знаешь, как быть и что делать? Не выкладывать же все как есть? Мол, Сашины дети, Семка с Темкой, – они не просто так дети, они... Нет, это даже проговорить невозможно. Ребенку еще одиннадцать, разве она поймет? Нет, нет, ни за что...

А Тася меж тем снова заговорила, и голос дрожал, сообщая обиженные подробности:

– Близнецы хотели побежать мне навстречу, а Саша их не пустила! Но я все равно спросила – можно я погуляю с Темой и Семой на детской площадке? А она снова как глянет... И глаза такие злые... Чего это с ней, мам? Схватила мальчишек за руки и увела. Никогда ее такой не видела. Ты ведь с ней дружишь, мам! Она каждый день к нам в гости с мальчишками

заходит!

– Ну мало ли! Может, у Саши настроение плохое было! – попыталась придать беспечности голосу Дина. – Не обращай внимания, вот и все!

– То есть как это – не обращай внимания? Что ты говоришь, мам? Лучше так и скажи, что не хочешь мне ничего объяснять! Скажи, я не обижусь!

– Так я и пытаюсь тебе объяснить...

– Ну да! Плохое настроение, как же! Что я тебе, маленькая? Ничего не понимаю? Да мне уже одиннадцать лет, между прочим! Раньше в это время девушек уже замуж выдавали!

– А ты что, замуж хочешь? Давай, знакомь с женихом, – смеясь, развела руками Дина.

Но смех получился довольно фальшивым. И жест этот нарочито театральный... Даже самой противно стало от собственной бездарной попытки обратить все это в шутку. А Тася меж тем продолжала наступать:

– Вы с Сашей поссорились, да? Ты чем-то ее обидела? Что-то плохое между вами произошло?

– Ну что ты... Чем я ее могла обидеть? Говорю же тебе – у Саши наверняка плохое настроение было. Знаешь, иногда у взрослых бывает плохое настроение.

– Вот опять ты отговариваешься, мам! Но я и сама догадалась, что вы поссорились! Еще вчера, на этой свадьбе у Саши и Жени! Как они называют эту свадьбу, я забыла...

– У них была медная свадьба, Тася. Правда, смешное название? Сразу слышится глухой медный звук – бум-м-м... Пришлось голову поломать, что дарить. Надо ведь что-то медное. Хорошо, что в антикварной лавке шикарный подсвечник нашелся! Старинный!

– Зубы мне не заговаривай, мам, ладно? Лучше скажи прямо – что меж вами на этой свадьбе произошло?

– Да ничего не произошло! Отстань. Давай-ка лучше за молоком сходи, мне надо бабушке кашу сварить на ужин.

– Да, я сейчас сбегаяю, не проблема. Но все же? Ведь что-то случилось, да? Почему Сашина мама на меня так смотрела, будто я Плакса Миртл из Гарри Поттера?

– Перестань, Тася! По-моему, ты все преувеличиваешь! Тебе показалось!

– Ага, показалось, как же. Я же своими глазами видела, какое у нее было лицо! Почему, мам? Я ведь ничего плохого Сашиной маме не сделала, я первый раз в жизни ее видела! И вообще, я думала, что для всех это праздник. Свадьба же, хоть и не настоящая!

– Почему же не настоящая? Самая что ни на есть настоящая! Потому что временем уже чувства доказаны. Семь лет – это все-таки срок. Медную свадьбу справляют через семь лет, обычай такой.

– Да знаю я, ты мне все это уже рассказывала! И говорила, что Сашина мама тоже на свадьбу придет! Я думала, она такая же веселая и добрая, как Саша. А тут... Как она на ме-

ня смотрела, я даже испугалась! Потом еще спросила у дяди Жени что-то такое... Мол, как это понимать?! И на меня рукой показала! И лицо злое сделала, и снова спросила – что это за безобразие, мол? Это я, что ли, безобразие, мам? Ну почему она так сказала?

Дина чувствовала, что Тасино возмущение летит в нее плотной тугой волной и нет уже никакой возможности от него увернуться. Невольно подняла руки, дотронулась пальцами до щек и поняла, что они горят предательски.

Но и молчать было нельзя. Все равно что-то надо ответить дочери. Так ответить, чтобы уйти от главного объяснения. От невозможного объяснения. Опасного.

– Ну сказала что-то и сказала, подумаешь. Мало ли что ей в голову взбрело. Не обращай внимания, вот и все.

И голос ее подвел – звучал в какой-то глупой, неестественной тональности. Еще повторила зачем-то эту дурацкую фразу: «Мало ли... Подумаешь... Не обращай внимания...»

– Ага! Все так легко и просто! Оказывается, нужно не обращать внимания! Сама-то не понимаешь, что это оксюморон? И то, что ты меня сразу домой отправила... Думаешь, я не видела, как ты перепугалась? Да на тебе же лица не было! Я не хотела уходить, а ты меня все равно отослала! Я даже торт не попробовала! Побывала на свадьбе, называется!

– Но ведь это не совсем свадьба, только одно название. А если ты хочешь торт, походи и купи. Какой понравится.

– Уже не хочу. Я знать хочу, почему на меня Сашина мама так рассердилась! И почему так злобно смотрела? Что я такого ей сделала? Вот с места не сдвинусь, пока ты мне не объяснишь, мам!

Дина опустила глаза, вздохнула тихо. Вот что за характер у дочери, а? Ведь и впрямь с места не сдвинется, пока не получит ответы на свои вопросы! И выкручивайся теперь как хочешь... Придумывай эти самые ответы, включай фантазию. Или умело уходи от них.

– Ну, во-первых, она Саше не мама, а мачеха.

– И что? Ты хочешь мне сейчас рассказать, что все мачехи злые, да? Как в сказках? Опять меня за ребенка считаешь? Ну почему, мам?

Да, уйти от ответов не получается. Придется включать материнскую вредность с добавочной порцией раздражения, хотя это ей и не свойственно. А что еще остается?

– Ой, Тась... – постаралась она сделать ужасно недовольное лицо. – Вот не до тебя сейчас, честное слово! Я на урок к ученику опаздываю! А ты в магазин за молоком так и не сбегала, и кашу я сварить не успеваю! Ты хочешь бабушку без ужина оставить, да? Дуй давай в магазин, быстро!

– Да ладно, ладно... – проворчала Тася, выходя из комнаты. – Схожу сейчас. А кашу я и сама сварить смогу, так что иди к своему ученику.

Когда Тася хлопнула дверью, уходя, она выдохнула, прислушалась к тишине.

Не было у нее сегодня никакого урока. И молоко в холодильнике было. Просто время требовалось, чтобы как-то передохнуть, опомниться. Она и сама еще в себя не пришла после вчерашнего. И ответов для самой себя у нее тоже не было – как так все получилось и что теперь делать. И вряд ли эти ответы появятся теперь, когда осталась наедине с собой.

– Диночка, ты где? – услышала она мамин голос и поспешила к ней в комнату, торопливо пристраивая на лице подобие беззаботной улыбки.

Мама смотрела на нее встревоженно, и было понятно, что фальшивой беззаботностью ее не обманешь! Это ж мама! Она всегда ее понимала и чувствовала на своей волне. Теплой такой волне, в меру заботливой и ненавязчивой, несущей в себе свободу и любовь. А как иначе? Мама ведь не просто пожилая женщина, она проницательная и умная интеллигентка в пятом поколении. Даже имя у нее было особенное – Муза. Как мама сама объясняла – мол, твои дедушка с бабушкой, Диночка, стишатами по молодости баловались, вот им и захотелось к себе музу позвать.

– Вы чего там буяните с Тасей, Диночка? Поссорились, что ли?

– Нет, мам, не ссоримся мы. Все в порядке.

– Но я же слышала, на какой высокой ноте звучал Тасин голос! Кто-то ее обидел, да? Подружка какая-то? Она ведь у нас такая разумная девочка, а тут вдруг разбуянилась.

– Даже не знаю, как тебе сказать, мам... Если бы подружка

обидела, то это была бы небольшая беда. Разрешимая. Нет, тут другое.

– А что?

– Мам... Давай потом об этом поговорим, ладно? Как-то я не готова. Не по себе мне как-то. И тебе нервничать нельзя, с утра давление высокое было, еле с ним справились! Давай потом...

– Не жалея меня, рассказывай. Подумаешь – давление! У меня уже несколько дней подряд высокое давление! Что теперь, от жизни отказываться? Овощем доживать? Нет, не хочу. Тем более сегодня как раз я вполне сносно себя чувствую, завтра уже на ноги встану. Надоело болеть! Давай выкладывай все как есть. Что случилось?

– Ну ты же знаешь... Нас ведь Саша с Женей вчера на свою медную свадьбу позвали. И тебя тоже пригласили, но ты отказалась. И хорошо, что отказалась.

– Ну? И что там произошло?

– Ужасное событие произошло, мам. Приехали Сашины родители... То есть отец с Сашинной мачехой там были. Никогда и носа сюда не показывали, а тут решили приехать!

– Да, да, я помню, Саша мне говорила. Она ведь хотела, чтобы отец один приехал, без мачехи. Что-то не заладилось у нее с мачехой, и она спрашивала у меня, как бы так отца попросить, чтобы он без нее приехал? А я ее убедила, что это нехорошо, мол. Что отец может обидеться. Что можно и стерпеть мачеху у себя пару дней.

– Вот зря ты ее убедила, мам.

– Почему? Что, эта мачеха такая ужасная оказалась? Праздник им испортила?

– Если бы только праздник... Все гораздо хуже, мам. Понимаешь, эта самая мачеха... Она как увидела Тасю... Ой, мне даже вспоминать об этом страшно!

Дина замолчала и поморщилась и схватилась за горло, будто ей стало трудно говорить. Но быстро оправилась, продолжила тихо:

– Как увидела Тасю, так сразу принялась возмущаться. И даже не возмущаться, а всякие гадости говорить! Знаешь, я так поняла: она женщина простая, довольно хамоватая, не умеет в себе эмоцию удержать, все сразу выдает первым же выстрелом. Ну, типаж такой... Сама понимаешь. Называется «пусти Дуньку в Европу».

– И что же ее так возмутило в Тасе, интересно?

– Мам, ну ты что, до сих пор не поняла, да? Тася же с возрастом все больше становится на Женю похожа. Такая же рыженькая, синеглазая, даже веснушки все Женины повторила. Это мы с тобой пригляделись, и все пригляделись, и не особо акцентируем. И Саша не знает. Но эта тетенька, Сашина мачеха! Она же впервые Тасю увидела! И понесло ее, и понесло с возмущением! Глаза свои распахнула, руку протянула и пальцем на Тасю показывает и спрашивает у Жени громко – это что такое, мол? Как это понимать?

– А Женя что?

– Да что Женя... Он растерялся ужасно. Господи, ну зачем, зачем я Тасю туда с собой потащила! Где у меня голова была? Если б ты знала, как я себя сейчас ругаю! Хорошо еще, что мне удалось быстренько Тасю домой увести и что она остальных высказываний в Женин адрес не услышала! И в мой...

– Ой, да мало ли кто на кого бывает похож! По-моему, ты все себе надумала! Есть у тебя склонность к преувеличению, да! Ты с детства была такая!

– Да какая склонность к преувеличению, мам. Ты бы видела эту женщину! Как она возмущалась... Наверное, это сходство и впрямь сразу в глаза бросается. Порода, ее не скроешь. Женя и Тася рыжие, а глаза у обоих синие. Это ж редкое сочетание – чтобы рыжие и с синими глазами. У рыжих людей обычно глаза карие, ведь так?

– Ну что ты зациклилась на этом, Дина? Ну да, похожи они. А я тебе еще раз говорю – мало ли кто на кого бывает похож! Вот я, например... Я в юности была копия Элины Быстрицкой! Но меня ж никто в родстве с ней ни разу не заподозрил!

– Ой, мама, ты не понимаешь. Тут же другое! От этой женщины же прямое обвинение в адрес Жени прилетело! И по нему было видно, что испугался. И даже побледнел.

– А ты что?

– А что я, мам? Схватила Тасю и быстро уволокла прочь. Что я могла еще сделать? Теперь она мне вопросы задает,

требует объяснений. Сегодня еще и Сашу с мальчишками во дворе встретила, и Саша повела себя холодно. Не разрешила ей даже к мальчикам подойти. Господи, ну как так можно было, а? Что за женщина? Кто ее просил судьей на чужом празднике выступать?

– Да ладно, бог с ней, с этой женщиной. Лучше давай подумаем, как Тасе ее поведение объяснить. И Сашеньке... Как она, кстати, на выпад своей мачехи отреагировала?

– Да никак. Сидела вся бледная, будто замороженная. Для нее тоже это все откровением было. Ой, не знаю, что дальше будет. А главное, я не знаю, как Тасе все объяснить! И Саше.

– А ничего Тасе объяснять не надо. Само пройдет. Надо только время потянуть, чтобы у нее интерес к инциденту пропал. Отвлечь на что-нибудь более интересное. Где она, кстати?

– Я ее в магазин за молоком отправила. Скоро придет, наверное. Еще сказала, что на урок опаздываю.

– А у тебя сегодня и правда ученики есть?

– Нет.

– Так чего ж ты сидишь? Уходи быстрее! Тася придет, а вопросы задавать будет некому. Нет мамы – нет вопросов. А там посмотрим, как быть. Давай уходи быстрее! Погуляй где-нибудь, проветришь, к Тоне своей сходи, давно вы не виделись. Она ж твоя подруга, совсем ты ее забросила! Расскажи ей все, может, что-нибудь присоветует. Придешь поздно, Тася уже спать ляжет. А утром уже и забудет, что ее давеча

так растревожило! Иди, иди... И поторопись, чтобы с Тасей во дворе не столкнуться! Зонттик возьми на всякий случай.

Не взяла она зонтик. А зря. На улице накрапывал дождь и вскоре грозился перейти в настоящую погодную неприятность – вон какое небо серое, неприятное. Подумала – может, и впрямь к Тоне рвануть?

Потом вспомнила, что у подружки сейчас роман в самой что ни на есть конфетно-букетной стадии, и наверняка ее дома нет. А если даже и дома, то она явно будет некстати. Нет, лучше просто погулять и подумать, побыть наедине с собой. Тем более что дождь так и не собрался, и небо высветляется потихоньку. Все по писаному прогнозу – переменная облачность. Скоро солнце сквозь облака пробьется, и будет всем счастье. Все ведь как в жизни – она та же самая переменная облачность, только и всего! Просто надо помнить, что когда набегают хмурые тучи, то вскоре обязательно выглянет солнце. А когда солнце светит и на душе радостно, то обязательно надо помнить, что скоро тучи набегут. Не бывает одного без другого. Поэтому надо уметь все принять, ведь так? И если следовать этому постулату, то и в ее жизнь пришли эти хмурые тучи? А до этого солнце всю светило.

Вздыхнула и улыбнулась грустно. И свернула на перекрестке – решила пройтись по своей любимой липовой аллее. Она длинная, тянется посреди проспекта, справа и слева город шумит. Идешь, будто плывешь над суетой и шумом. И мысли в голове текут и уносят в былое.

Вот зря, зря она тогда не поменяла квартиру, надо было уехать, исчезнуть к чертовой матери! Почему, почему она не уехала?

Хотя да, она ж не могла... Как-то разом все в один узел сплелось. И мама заболела, и сама довольно странно себя почувствовала. Тошнило все время, голова кружилась, кое-как ноги носила. Даже к врачу пришлось обратиться, после того как упала в обморок на остановке автобуса. А когда узнала от врача, что с ней такое... Да она и не поверила, что беременна! Просто в голове не укладывалось такое! И где-то на краешке подсознания гнездилось ужасающее осознание стыда и отвращения к себе, и не хотелось думать о том, как все это вообще могло с ней произойти.

Ведь и впрямь стыдно! Осознавать стыдно, вспоминать стыдно! И уж тем более стыдно было, когда Женя все узнал. И пришел к ней, и даже настойчивость проявил. Понятно же, что эта настойчивость замешана на его природной порядочности и благородстве, поэтому она и рассердилась, и прогнала его! Слава богу, что он тогда уехал быстро и долго не появлялся. Но она все равно ругала себя последними словами – как, как она могла? Понятно, что не в себе была после похорон Марка, но все равно ей оправдания нет никакого! Она взрослая женщина, а Женя... Женя мальчишка еще. И пожалел ее тоже по-мальчишески, от всей неиспорченной жизнью души!

А как она тогда сердилась на маму, если вспомнить! Ну

зачем, зачем она все рассказала Дарье Васильевне, Жениной бабушке? Понятно, что они по-соседски давно дружили, и дружба эта переросла в нечто большее, почти в родственную сердечную привязанность. Но зачем было Дарье Васильевне это знать? Она даже заплакала, когда мама ей во всем призналась, и почти кричала на нее:

– Зачем, мама, зачем? Ты хоть понимаешь, что ты надела-ла? Ну кто тебя просил об этом, скажи? Почему ты со мной хотя бы не посоветовалась? Это ведь моя жизнь, между прочим!

– Но, Диночка, доченька... Не плачь, не надо, что ты, – испуганно лепетала мама, приложив дрожащую руку к груди. – Ведь согласишься, нехорошо будет, если не сказать правду. Ведь получается, мы Дашу обманываем? Мы столько лет вместе, мы давно уже как родственники! Даша должна знать, что у тебя будет не просто ребенок, а ее внук или внучка. Нехорошо...

– Да почему Дарья Васильевна должна это знать? Она же только переживать и расстраиваться из-за этого знания будет! Ты об этом подумала?

– Да, я подумала. Но я не смогу так. Получается, если я буду молчать, то значит, буду обманывать Дашу? Мы столько лет с ней дружим, и я ее ни разу ни в чем не обманула, не солгала. Я просто не смогла скрыть от нее правду!

– Но это не твоя правда, мам. Это моя правда. И только я могу решать, скрывать ее или нет!

– Ну прости меня, Диночка, прости... Я ведь тоже имею какое-то отношение к этой правде, я твоя мать. В конце концов, я бабушкой буду, и Даша тоже. Как же я могу это скрыть от нее? Прости...

Мамина честность ее всегда удивляла. Фанатичная какая-то. Отчаянная. Мама считала, что простое утаивание какого-то факта от друга уже есть бесчестие по отношению к нему. И не докажешь ей, что это утаивание может быть, наоборот, спасительным. Ну зачем Дарье Васильевне было знать, кто Тасин биологический отец? Заче-е-ем...

Но что было делать? Факт свершился, Дарья Васильевна все узнала. И Жене позвонила и все сказала. А потом еще и к ним пришла, и рассказывала, как Женя обрадовался. И что скоро приедет.

Она испугалась, рассердилась, занервничала – не надо ему приезжать, мол, так и передайте! Пусть все забудет! И на звонки его она отвечать не станет! И вообще... Пусть они все ее в покое оставят. Ей и без того ужасно стыдно, и никогда этот стыд она в себе не изживет! И всегда будет Марка любить.

Но Женя все-таки приехал. И потом появился, когда Тася родилась. Заявил решительно – мол, ты думай, Дина, обо мне как хочешь, но Тася все равно моя дочь, от этого факта никуда не денешься. Я ей помогать буду, никогда не оставлю. И добавил так остороженько: мол, я могу из Перми сюда переехать, в Екатеринбург. Жить буду у бабушки. Тебе ведь

помощь будет нужна.

Она отказалась, конечно же. Зачем такие жертвы, смешно даже! И была с ним холодна, и глаза испуганно прятала. Жутко стыдно за себя было.

Женя уехал, а она опять было занялась обменом квартиры, да как-то не получилось с благим намерением. Ребенок маленький все свободное время отнимает, это ж понятно. А жаль, надо было найти время, надо было!

Хотя чего теперь жалеть об этом, когда уже случилось то, чего она втайне все время боялась! Зачем перебирать эти бусины, дела давно минувших дней. Теперь главный вопрос: как Жене из всего это выбраться? Как он Саше все объяснит? И она тоже... Как Саше будет в глаза смотреть?

Хоть бы Женя ее простил. Это она была во всем виновата, и только она.

Женя

– Саш, перестань. Ну что ты себе придумываешь? Мало ли что Людмиле Николаевне показалось? Нельзя же так, Саш.

Она сидела на самом краешке кровати, подогнув под себя ноги, и покачивала головой, и была бы похожа на маленького Будду, если бы не горестное выражение лица. Окно было открыто настежь, и в спальне ощущалась довольно зябкая вечерняя прохлада, но, казалось, Саша ничего не замечала, не чувствовала.

Женя глянул на жену и понял, что она его вовсе не слышит. Слова его летят мимо, и лицо Саши будто обращено внутрь себя, и глаза широко открыты, и бормотание это неразборчивое, пугающее... Что она тихо так проговаривает?

Подошел, сел рядом, взял в руки ее ладонь. Какая она холодная и вялая, будто неживая. Прислушался к Сашиному тихому бормотанию и снова испугался – будто сама с собой разговаривает.

– Как? Как можно было этого не увидеть? Почему ничего не замечала, как? Ведь это же очевидно! Такое редкое сочетание. Рыжие волосы и голубые глаза. Как так получилось, не понимаю? Ведь можно было сразу понять. А я... Как слепая была. Дину боготворила, а она... Ведь это жестоко, жестоко!

– Саш, перестань... Да мало ли как бывает. Я тебе все объ-

ясню! Пожалуйста, посмотри на меня, Саш! Давай поговорим, а?

Он сильно сжал ее ладонь, и Саша поморщилась и глянула на него так, будто сильно удивилась его присутствию рядом. И в следующую секунду удивление сменилось брезгливым неприятием, и глаза заволокло слезным туманом, и голос прозвучал с болезненной хрипотцой:

– Уйди, а? Я прошу тебя, Жень, уйди. Не надо мне ничего говорить. Потом поговорим, ладно? Дай мне в себя прийти. Мне же осознать все это как-то надо, решить надо, что дальше делать, как нам жить. Или не жить...

– Ну что ты говоришь, Саш, опомнись! Что ты себе надумала? Я ж тебе объясняю, Саш...

– А не надо мне ничего объяснять. Что тут можно объяснить, если все и без того очевидно? Нет, нет... Мне надо одной побыть. Исчезни куда-нибудь, а? Прошу тебя.

– Да куда я исчезну? Никуда я от тебя не исчезну.

Он слышал, какой виноватостью звучал голос, и будто этой виноватостью он сам себе подписывал обвинительное заключение. Наверное, надо было как-то смелее говорить, нахальнее! Веселее! Но не получалось у него, не получалось, хоть умри!

– Я прошу тебя, Жень, уйди. Пожалуйста. Мне надо побыть одной.

– Куда я уйду, Саш? У нас гости. Мама моя еще не уехала, и твой отец.

– Ну и что? Они завтра все равно уедут. А ты уйди. Тебе ведь можно к Юле с Родиком уехать? Они же твои друзья! Они тебя всегда пожалеют, правда? Выслушают, поймут. Как это, мол, ты облажался так, Жека, что тайны твои раскрылись?

– Саш, перестань.

– А что, не так разве?

– Но ты ведь даже слушать меня не хочешь! Давай я тебе все объясню!

– Нет. Не хочу, не хочу! Я ничего не хочу! Я ж тебе говорю – мне надо одной побыть! Осознать. Решение принять. Пока просто в голове не укладывается... Ну пожалуйста! Неужели ты сам не видишь, как мне плохо сейчас?

Он не успел ничего ответить – в комнату вбежали Темка и Семка. Как обычно, Темка гнался за Семкой в порыве мщения – опять Семка устроил ему очередную каверзу. И лицо у Семки было хитренькое и ужасно довольное, наверняка эта каверза не была безобидной. И наверняка Темкиной мстительности надолго не хватит – опять уступит братцу и быстро простит.

Он видел, как Саша смотрит на пацанов, как морщит лоб, словно изо всех сил пытается сосредоточиться. И проговорил немного льстиво, заглядывая ей в глаза:

– Вот все думаю: почему они такие разные, Саш? Близнецы же, а характеры абсолютно разные! Ты только глянь, какая у Семки рожица довольная! А у Темки серьезная.

Саша повернула к нему лицо, и он увидел, как в глазах ее мелькнуло злое раздражение. И губы сжались, будто она с трудом сдерживала в себе это самое раздражение. Будто всем своим видом давала понять – мол, не надо со мной разговаривать так, будто ничего не случилось!

Наверное, ему сейчас и впрямь надо уехать. Надо сделать так, как она просит.

– Семка, Темка, послушайте... Я сейчас уеду, а вы тут присмотрите за бабушками и дедушкой, ладно? Поиграйте с ними, чтобы они не заскучили.

– А ты надолго, пап? – капризно спросил Темка.

– Нет, ненадолго. Скоро вернусь.

– А мама с тобой уедет, да?

– Нет, мама дома останется. У нее дел дома много. Все, пацаны, я уехал...

Вскоре он уже вырулил со двора и сразу попал в пробку, и чертыхнулся едва слышно – откуда тут пробка взялась на ночь глядя? Но тут же и смирился – ничего, можно и постоять. Невелика беда – пробка. Вот то, что Сашка дома осталась с родственниками и со своими пугающими мыслями, – это беда, конечно. Еще какая беда.

Может, надо было настоять на своем и остаться? Но как, если она его слышать не хочет? Может, и впрямь ей надо без него побыть. Никогда не знаешь, как надо, а как не надо! Или характер у него такой, не очень настойчивый и уступчивый?

И мальчишек жалко. Надо было их с собой взять. Сиде-

ли бы сейчас запечатанные ремнями безопасности в детских креслах. Наверное, чувствовали бы его виноватую озабоченность и помалкивали.

Конечно, он виноват. Очень сильно виноват перед Сашей. Надо было сразу ей все рассказать, еще тогда. Почему он этого не сделал?

Да бог его знает... Не сделал, и все. Время назад не отмотаешь, ошибку не исправишь. Теперь остается только надеяться, что Саша поймет и простит. Да, поймет и простит! Потому что не было с его стороны никакого преступления, не было!

А что тогда было?

Тогда он приехал к бабушке из Перми. Кажется, в командировку... Да, точно, в командировку! После института устроился на судостроительный завод, и его как молодого специалиста сразу послали на курсы повышения квалификации в Екатеринбург. Да, все так и было.

Он всегда любил ездить в гости к бабушке. И когда школьником был, и в студенческие годы. Сначала с родителями ездил, потом его одного стали отпускать – благо, что от Перми до Екатеринбурга ехать недалеко. Квартира у бабушки была большая, она одна в ней жила. У него даже своя комната в квартире была, и окна выходили на главный проспект, на котором всегда было шумно илюдно. А как бабушка ему всегда радовалась, это ж была отдельная песня! Всегда сообщала эту радостную новость подруге, Музе Леонидовне, она

этажом ниже жила. Звонила ей тут же:

– Музочка, у меня радость! Женечка приехал! Приходите к нам в гости вместе с Диной и Марком! Я пирог пеку!

И они обязательно приходили – Муза Леонидовна, ее дочь Дина, муж Дины Марк. Он всегда ждал их с трепетом – такими они казались необыкновенными! Имена тоже были под стать – Муза, Дина, Марк. Разве у обычных людей могут быть такие красивые имена?

Дина каждый раз произносила с улыбкой:

– Женечка, как ты вырос! Совсем взрослым стал! Молодец!

И, обернувшись к бабушке, добавляла со смехом:

– Вот гроза девчонкам растет, правда? Не одно сердце разобьет. Видно же, какой красавец из него со временем вылупится!

Бабушка расплывалась в довольной улыбке, а он краснел отчаянно. Ну какой из него красавец, в самом-то деле? Рыжий, конопатый, стеснительный... Одно только достоинство и есть – глаза синие, яркие. Хотя они просто кажутся яркими – из-за рыжих ресниц. Были бы ресницы черными, как у всех, тогда бы нормально было. А так... Он уже привык к тому удивлению, когда люди при знакомстве произносили эту фразу – мол, надо же, какое редкое сочетание! И стеснялся еще больше. А уж относительно этого выражения Дины «не одно сердце разобьет» и говорить нечего, оно вообще его в ступор вводило. Тем более что Муза Леонидовна тут же при-

нималась вспоминать, как он, будучи семилетним пацаном, лихо сделал Дине предложение руки и сердца. Она тогда замуж за Марка выходила, и все только о свадьбе и говорили. А он слушал, хмурился, пыхтел... Потом подошел к Дине и выговорил звонко:

– Ты не женись с Марком, не надо! Подожди, ладно? Я скоро вырасту и сам на тебе женюсь!

Дина тогда оторопела, смотрела на него удивленно, а Марк расхохотался от души, проговорил весело:

– Стало быть, ты мой соперник, да? Что ж, сочувствую, брат. Опоздал ты с признанием. Завтра уже мы в загс идем.

Эта история так и осталась у всех на устах притчей во языцех. Как собирались за столом все вместе, Марк обязательно проговаривал с насмешкой:

– Как дела-то, соперник? Все хорошо, надеюсь? Не будешь у меня жену уводить, или мне настороже быть?

Вообще, он очень хороший был, Марк. Умный, добрый, улыбчивый. Красоты в нем особенной не было – откуда ей взяться? И ростом невысок, и лысоват, и глаза сквозь толстые стекла очков казались огромными, как у циклопа. Но Дина всегда глядела на мужа так, будто вот-вот в обморок упадет от восторга и восхищения. И светилась вся. Он пацаном был, но прекрасно видел тот самый свет, который от нее шел. Однажды даже бабушке про этот свет рассказал, а она не удивилась, только глянула на него с уважением и пояснила:

– Это называется большая любовь, Женечка. Когда мужчина и женщина всем своим существом любят друг друга, от них всегда свет идет. Видать, у тебя душа чувствительная, если ты это заметил. И ты, стало быть, будешь так же уметь любить.

– Да! Буду, конечно! – радостно откликнулся он. – У меня же будет такая же красивая и умная жена, как Дина!

– Ну, дай бог, дай бог... – тихо вздохнула бабушка, улыбаясь.

В следующий его приезд все изменилось, и Дину он не узнал. Нет, прежний свет в ней не погас, но явно чувствовалась какая-то лишняя тревожность. И улыбки на лице больше не было, и беззаботного смеха тоже. И лицо будто потускнело, и суетливость в движениях появилась, и волосы свои роскошные, выющиеся буйным каштановым бесом, она зачесывала назад, стягивала на затылке в тугий узел.

– А что это с Диной, ба? – тихо спросил он у бабушки. – Я даже ее не узнал сначала. Какая-то она другая стала. И говорит по-другому, и смотрит. И на меня так посмотрела... Будто и не узнала даже.

– Ой, не спрашивай, Женечка, – горестно махнула рукой бабушка. – Беда у них, беда... Такая беда, что и словами не передать. Ты уж не обижайся на Дину, не до тебя ей сейчас.

– А что случилось? Какая беда?

– Да такая... Марк ведь серьезно болен.

– А что с ним?

– Ой, да долго рассказывать. Боюсь, плакать начну, не спрашивай, не надо. Мне тоже на Дину жалко смотреть – просто извелась вся, измучилась. Стараются все время рядом с Марком быть, каждую минуточку. Даже пришлось из школы уйти, теперь только по частным урокам бегают. У нее ведь, знаешь, большой педагогический талант, ее ученики владеют английским почти в совершенстве.

– То есть она теперь просто репетитор?

– Да, репетитор. Но какой репетитор! Что называется – нарасхват. Каждый хочет к ней своего ребенка пристроить, а ей многим отказывать приходится. Потом сама же и расстраивается, когда отказывает. Но что делать? Где ей время-то взять? Надо же с Марком быть. Никто же не знает, сколько ему осталось!

– Чего осталось?

– Да жизни, чего... Врачи по-всякому говорят. Кто обещает год, кто полгода, а кто и вообще пару месяцев.

– Понятно. А можно им как-то помочь, бабушка? Чем я могу помочь, скажи?

– Да чем тут поможешь... Ты лучше не ходи к ним пока, не до гостей им. Ты, кстати, надолго приехал?

– Нет. На неделю всего, просто чтобы тебя повидать. И еще мне с одним человеком обязательно встретиться надо.

– Это же с каким человеком, интересно?

– Да я с девушкой познакомился, когда со стройотрядом в Челябинске был. Вот должна сюда к подруге приехать.

– Ну что ж... Девушка – это хорошо. Ишь, как у тебя глаза сразу заблестели! Она тоже студентка?

– Нет. Школьница еще. Но в этом году школу уже оканчивает.

– Ой... Да сколько же ей годков?

– Семнадцать. Скоро восемнадцать исполнится.

– Как хоть ее зовут, скажи?

– У нее прекрасное имя! Саша. Сашенька... Александра...

– Да. А главное, редкое, – произнесла бабушка голосом мамы Жени Лукашина из новогоднего фильма. И повторила со вздохом: – Дай бог, дай бог...

Неделя для него пробежала незаметно и счастливо, про Дину и Марка он больше у бабушки не спрашивал. Всегда ведь собственное счастье застит глаза, не хочется в него пускать чужое несчастье.

Так получилось, что потом он к бабушке долго не приезжал. Студенческая жизнь все свободное время в себя забирала. А впереди еще последний курс и диплом. Но когда свободное время все же чуть-чуть образовывалось, гнал в Челябинск.

На преддипломную практику он поехал в Екатеринбург – сам напросился, как раз и место было на Уралмашзаводе. Сколько ему было тогда? Двадцать три? Двадцать четыре? А впрочем, какая разница, сколько ему было. Значения не имеет.

Бабушка обрадовалась его появлению, но глаза у нее были заплаканные, лицо осунувшееся. На его вопросы только махнула рукой и произнесла со слезным всхлипом:

– Ой, ведь горе у нас, Женечка. Марка пять дней назад похоронили. Отмучился, бедный. Так страдал... Так уходил тяжело... На Дину теперь смотреть жалко, совсем от нее ничего не осталось. Выглядит как старуха. А она ведь молодая еще, всего тридцать восемь! Муза так за нее боится. Не ест она ничего, сидит и в одну точку смотрит. И не разговаривает. Так ведь и впрямь помереть может. Ведь пять дней, Женечка! Пять дней ничего не ест и не пьет! Наверняка заморить себя решила!

– Ничего себе... Может, врача к ней позвать, а?

– Да был врач. Был. Она с ним даже разговаривать не стала. Да и чем ей поможет простой терапевт из поликлиники? Тут другой врач нужен.

– Какой?

Бабушка вдруг внимательно посмотрела на него и отвела глаза, будто хотела что-то сказать, но не решалась. Потом спросила осторожно:

– Ты пошел бы к ней, поговорил, а? Может, она тебя увидит и очнется как-то? Она ж к тебе так хорошо относилась. Ты как ребенок ей был. Жаль, что своих детей им с Марком Бог не дал, теперь бы хоть ради них жила. Сходишь к ней, Жень?

– Ты думаешь, это удобно, бабушка? – спросил он задум-

чиво. – Мне кажется, это как-то неправильно. У человека горе, а я начну перед глазами мелькать. Неудобно!

– Господи, да что значит удобно, неудобно! Не об этом же речь! Ведь человека спасать надо! Любыми способами! Пусть и перед глазами мелькать! Как ты не понимаешь? Ведь я тебе объясняю!

– Да я понимаю! Я очень даже понимаю, но... Что я могу сделать?

– Да просто взять и прийти! Как ни в чем не бывало! Вдруг у тебя и впрямь получится ее хоть как-то растормошить? Может, расскажешь что-то, отвлечешь как-то. Все-таки свежее лицо! А от наших с Музой насквозь проплаканных физиономий какой толк? Иди... Иди, Женя.

И он пошел. Хотя понятия не имел, как будет отвлекать и тормошить. И вообще, разве можно все это проделать, если человек погружен в свое горе?

Дверь ему открыла Муза Леонидовна и тут же заплакала и проговорила тихо сквозь слезы:

– Ой, Женечка... Как хорошо, что ты пришел. Тебе бабушка сказала, наверное, какое у нас горе?

– Да. Сказала. А Дина где?

– Так в своей комнате. Не знаю, что с ней делать. Она ж на глазах тает! Уж который день сидит и смотрит в одну точку, не пьет, не ест. И молчит. Я уж и так и этак разговорить ее пытаюсь, а она молчит. Может, очнется, когда тебя увидит? Все-таки свежее лицо.

Он подумал про себя с горькой усмешкой: что значит свежее лицо? И бабушка говорит про это свежее лицо, и Муза Леонидовна. Звучит как необходимая функция. Для чего? Чтобы разбавить свежим лицом Динино горе? Странно как-то... И что ему с этим своим свежим лицом делать? Улыбку на него натянуть? Выражение оптимистической беззаботности? Мол, все пройдет, Дина, и время лечит?

Да, глупо он будет при этом выглядеть. И Дина его прогонит сразу, конечно же. Или не прогонит? Или ей и впрямь сейчас нужно видеть перед собой «свежее лицо»?

Вопросы, вопросы... Да разве сейчас можно задавать себе какие-то вопросы? Наверное, бабушка права, и все средства надо использовать для того, чтобы Дина очнулась?

Когда открыл дверь и увидел Дину, все вопросы сразу исчезли. И сердце трепыхнулось жалостью и растерянностью, и жесткий комок сразу подкатил к горлу – ни слова произнести не мог. Встал, как статуя Командора, глядел на нее молча. И будто не видел. То есть ту самую Дину не видел...

Да что там говорить – он просто ее не узнал. Это была не Дина. Жалкая изможденная женщина сидела в углу дивана, подтянув под себя ноги и обхватив их руками-веточками. Вот повернула голову, глянула на него... И тоже наверняка не увидела. Глаза были совсем пустые. Слепые.

Потом что-то мелькнуло в ее глазах, пробежала искорка узнавания. Сухие губы открылись, и он услышал, как она проговорила тихо:

– Женя... Это ты, Женя?

– Да, я! – тут же бросился он к ней, сел на корточки перед диваном, почти силой заставил себя улыбнуться.

Потом спохватился – нет, что-то не то делает! Наверное, улыбаться нельзя. Но она будто уже ухватила за его улыбку и даже руку дрожащую протянула, словно хотела ее потрогать. Потом прошелестела чуть хрипло:

– Как ты вырос... Совсем взрослым стал, молодец...

Да, да! Именно эти фразы она всегда проговаривала, когда видела его. И когда он был ребенком, и когда взрослым стал, и сейчас... Хотя сейчас эти знакомые фразы звучали уже не автоматически, а как-то иначе. С привкусом горя, что ли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.